

детерминировано извне обстоятельствами и волей богов, растворяясь в "не-Я", он являлся не субъектом действия, а находился как бы внутри действия, которое не он осуществляет, а им осуществляется. Лишь в поздней античности зарождается осознание своей уникальности, наиболее полно воплощаясь в искусстве (портрет в живописи, лирика в поэзии), философии и особенно в таком жанре как автобиография¹.

В средневековье внутренний мир, "Я" индивида также неразрывно связаны с внешними факторами, но детерминированы уже не только волей Бога и обстоятельствами, но и сословными нормами и обязательствами, "Я" слито с "Мы", соответствующему социальной принадлежности этого "Я". Как и в античности зарождение своего "Я" в средние века связано с искусством, а также с теологией.

Традиция растворения своего "Я" в социальных статусах, социальных ролях существует до сегодняшнего дня на Востоке: в Японии, Китае. Возможно, эта восточная и средневековая традиция наложила отпечаток и на становление "Я" личности в нашей стране, идеал которой до недавнего времени заключался также не в уникальности, а в принадлежности к социальным общностям: "Я" мыслилось через "Мы" (Мы - рабочий класс, мы - колхозное крестьянство, мы - советская интеллигенция, мы - советский народ и т.д.).

Другим аспектом растворения "Я" в "Мы" является существующая у нас и на Западе интериоризация "массового сознания" в индивидуальное сознание, растворение индивидуального в социальном²,

¹ Исследованию феномена "Я" на примере философской автобиографии посвящена интересная работа И.А.Жеребкиной (См.: Жеребкина И.А. Многомерность "Я" как феномен неклассического типа рациональности: Дис. ...канд.филос.наук.- Харьков, 1989).

² Трагические возможности последствий этого растворения, веду-

культивирование гегелевского идеала воспитания как сглаживания индивидуальных особенностей, подводя дух личности "к знанию и хотению всеобщего"¹.

Второй вид отношения "Я" к "Мы" характеризуется диалектической взаимосвязью общего, особенного и единичного. "Я" личности содержит в снятом виде не только "Мы", как свою социальную среду, но и "Оно", человечество, как родовые характеристики человека. При этом оно не теряет своей уникальности и неповторимости. Напротив, именно во взаимосвязи с "Мы" личность максимально реализует свою уникальность, "Мы" не препятствует, а способствует ее развитию, ибо вся активность "Я" личности направлена на "Мы", в котором только и возможно ее наиболее полное самоутверждение. Деятельность "Я" самопричинна, внутренне обусловлена, внешняя детерминация относительна и проявляется лишь в конечном счете. Во всех жизненных ситуациях это "Я", претерпевая различные и всевозможные модификации, всегда сохраняет свое ядро, свою самость, свое лицо, личностность.

Возникновение такого "Я" связано с появлением на исторической арене такого индивида, который бы определял свое "Я" не через, а вопреки общественному положению, заданным извне социальным ролям, являлся бы не частью общества, коллектива, сословия, группы, а самостоятельной целостностью, живущий по своим собственным законам, которые, разумеется, направлены не во вред, а на благо другим индивидам, обществу и человечеству. Ценность такого индивида определяется не принадлежностью его к сословию, чего к обезчеловечиванию человека показаны С.Замятин в его романе "Мы" (См.: Замятин С. Мы.- Кишинев, 1989).

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3 т.- М., 1977.- Т.3.- С.74.

классу, социальной группе, а личностными качествами. Такой индивид появляется в капиталистическом обществе и развивается далее в социалистическом.

С о б р е т е н и е м своего "Я" индивидом начинается процесс его превращения в личность, а его сознания - в дух. Появление и сохранение своего "Я" является исходным, необходимым, хотя и недостаточным условием для этого процесса.

Наличие у личности своего "Я" не означает одномерности его. В этом "Я" присутствуют всегда два противоречивых "Я": "Я" - уникальное, индивидуальное" и "Я-типичное, социально-нормативное"¹, создающих внутреннее напряжение личности и ее духа, являющееся внутренним источником развития духа личности. Сохранение и утверждение "Я" связано с постоянным разрешением этого противоречия и может осуществляться двумя путями.

Первый путь заключается в самоотчуждении, гипертрофии индивидуального "Я", его автономизации, которое не только отличается от "Мы", но и противопоставляется ему в качестве некоего абсолюта (как "Единственный" у М.Штирнера). Часто этот путь оценивают однозначно негативно как проявление крайнего индивидуализма, при котором другой человек превращается из цели в средство для утверждения моего "Я", т.е. обесценивается. Но при этом мое "Я" обесценивается с точки зрения этих "других", т.е. происходит "обесценение человеческого мира"². Действительно, такой

¹ Хотя этими модусами "Я" дифференциация "Я" далеко не исчерпывается, о чем будет сказано ниже.

² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г.//

способ противопоставления "Я" "Мы" античеловечен (назовем его закрытым индивидуализмом), но в истории человечества имел место уход от общества с целью сохранения своего "Я" не вопреки, а на благо людям и человечеству (открытый индивидуализм).

Если для закрытого индивидуализма свойственна удовлетворенность собой, безразличие к миру, нигилизм, принятие наличного "Я" как должного и, как следствие этого, отсутствие стремления к самообретению, исканию себя иного, то для открытого индивидуализма характерна предельная неудовлетворенность, поиск себя, максимальная требовательность и небезразличие к миру; если первый индивид самоавтономизирован, то второй - вынужденно автономизирован из-за непонятости либо невозможности своей осуществимости в мире, отсутствия участливости к себе. "Я" открытого индивидуалиста никогда не исключает возможности сближения, взаимности с "Ты", "Мы", но при условии обретения достойного адресата своих интенций, он весь в искании достойного пути и признания на нем. Примером могут служить уединение непонятых современниками ученых, деятелей искусства, философов, отшельники, являющиеся образцом (т.е. идеалом) добродетели для "простых грешных". Поэтому, на наш взгляд, этот способ сохранения своего "Я" нельзя оценивать однозначно.

Второй путь сохранения и утверждения своего "Я" осуществляется во взаимодействии с внешним миром, обществом, "Мы", в отношении и к другому человеку. Анализируя процесс самоутверждения человека, К.Маркс развивал идущую от Фейербаха идею о становлении человека через отношение к другому: "Так как он (человек - Н.Ш.) родился без зеркала в руках и не фихтеанским философом "Я" есмь Я", то человек сначала смотрится, как в

Маркс К., Энгельс Ф. Соч.- 2-е изд.- Т.42.- С.88.

зеркало, в другого человека. Лишь о т н е с я о ь к человеку Павлу как к себе подобному человек Петр начинает о т н о с и-
т ь с я к самому себе как к человеку (разрядка наша - Н.Ш.)"¹.

Таким образом, утверждение своего "Я", осуществляемое через отношение к другому, связано с моей оценкой другого, а через нее с отношением к себе, с оценкой себя самого, т.е. носит аксиологический характер: осознание своей ценности осуществляется путем осознания ценности другого².

С другой стороны, утверждение своей ценности осуществляется также посредством видения во мне ценности другими. Их оценка меня становится основанием для моей оценки себя настолько, насколько значимы для меня оценивающие меня, т.е. насколько они являются для меня ценностями. При этом ценность других индивидов может рассматриваться мной как средство для утверждения моей ценности, являясь для меня относительными ценностями, и как цель, как абсолютная ценность, к которой я стремлюсь и без которой не мыслю себя как ценность. Здесь индивид рассматривается не как безличный другой, а как "Ты" - инобытие "Я", это "Ты" как бы "впитывается" в "Я" и, таким образом, рост ценности "Ты" ведет к росту ценности "Я".

Высшим проявлением такого способа самоутверждения "Я" является снятие в себе не только "Ты", но и других сфер "не-Я" (общества, природы, культуры, человечества), превращение внешнего во внутреннее, интериоризация его, осознание его ценности своей,

¹ Маркс К. Капитал// Маркс К.,Энгельс Ф. Соч.-2-е изд.- Т.23. - С.62.

² Ценность личности и ее "Я" признавалась с древних времен. Так, в классической латыни слово "эго" употреблялось для того, чтобы подчеркнуть значение, ценность лица.

мир "не-Я" становится миром "Я". В результате стремление к росту своей ценности становится неразрывно связано со стремлением к росту, развитию внешних ценностей.

Важно подчеркнуть, что внешние ценности "Я" - это ценности моего "не-Я", т.е. это мое восприятие мира, ценностная значимость его для меня, как проявления моей единственности и уникальности; значимость мира для другого - это уже его оценка мира, его, а не мой ценностный контекст ино-бытия.

Этап развития сознания и самосознания, когда индивид осознает ценность "Я" и "не-Я" как свою ценность, т.е. обретает ценностную интенцию, видит в "Ты" инобытие "Я" является следующим этапом становления личности и ее духа.

Говоря о духе личности как ценностной интенции ее "Я" следует отметить наличие иерархии ценностей у личности. В этой иерархии высшей, доминирующей ценностью является другая личность "Ты", затем следуют связанные с ней рядоположенные ценности - "Мы", "Оно" (группа, коллектив, общество, человечество), далее другие ценности - природа, культура; все они подчинены высшей ценности - "Ты".

Лишь в той степени, в какой личность ставит доминанту на "Ты"^I, на лицо другого, видит в "Ты" самоценность, раскрывает себя в "Ты", пытается "войти в его скорлупу" (А.Ухтомский), способна "впитать" "Ты" в "Я", она сама преодолевает индивидуализм

^I Здесь и далее нами используется концепция доминанты А.А.Ухтомского (См.: Ухтомский А.А. Собр. соч. - Т. I. Учение о доминанте. - Л., 1950).

обретает лицо и дух, т.е. истинное бытие личности и ее духа существимо лишь как ее со-бытие с другими личностями.

Высшим проявлением другоодоминантности, принятия и переживания тебя в себе является любовь. При этом нами не разделяется точка зрения на любовь, идущая от Г.В.Лейбница, как растворение своей "самости" в другом потеря своего "Я" в "Ты", наслаждение счастьем другого. Любовь не порождается внешней причиной, другой личностью, а постоянно существуя внутри данной личности элиминирует как на ту или другую личность, так и на себя. Следует особо отметить, что способность к любви предполагает любовь не только к другому, но и к себе, более того, если индивид не любит себя, то он не может любить и других¹. Любовь "Я" к "Ты" есть не обнищание, опустошение "Я", а обогащение, утверждение, удвоение "Я", максимальная его реализация. Соответственно, с ростом моей любви к людям, "воплощении" меня в них, растет мое "Я". Хотя характер любви различен в зависимости от личности, на которую она направлена, но чем больше тех, кого любит личность, тем богаче спектр ее самоутверждения, ее "Я". Смысл любви заключается в соединении для взаимообогащения и утверждения своего "Я" в "Ты" и других сферах "не-Я", в других "Ты", основанном на равенстве и свободе².

При этом любовь персоналистична, ее интенциональность - не безличный другой, а "Ты", конкретная личность, которая является

¹ Аналогичная точка зрения высказывается Н.Бердяевым, П.Флоренским, Э.Фроммом (См.: Флоренский П. О духовной истине.- М., 1913; Бердяев Н. О назначении человека.- Париж, 1931; Фромм Э. Бегство от свободы.- М., 1990).

² На этот момент в любви обращает особое внимание Э.Фромм (См.: Фромм Э. Указ. соч. - С.139).

на "Я" высшей ценностью. Любви ко всем одинаковой не может быть. Безликая "стеклянная любовь" (В.Розанов) ко всем есть милосердие. Любовь к живой личности, "Ты" выше любви к абстрактно-му человеку, человечеству, идее, даже высшей идее Истины, Добра и Красоты.

Следует отметить, что доминанта духа личности на "Ты" не есть раз и навсегда данная. В реальной жизнедеятельности личности доминанта ее духа может смещаться, а иерархия ценностей изменяться. Большую роль в этом процессе играет содержание и назначение смысла жизни личности^I. Представленная иерархия может рассматриваться как идеал, как смысл жизни, к которому стремится личность, ее дух, причем степень достижения этого идеала зависит не только от самой личности, но и от объективных условий ее существования.

Существенное влияние на содержание иерархии ценностей личности оказывает существующая социальная иерархия ценностей, которая может не только совпадать, но и вступать в противоречие с личной иерархией. И личность, либо постоянно разрешает это противоречие, тем самым утверждая свое "Я" (разумеется, при этом ее деятельность носит благой характер), либо растворяет, подчиняет свои ценности социальным ценностям, что ведет к слиянию ее "Я" с "Мы", о чем говорилось выше.

Следует подчеркнуть, что именно существование противоречий, конфликтных ситуаций являются своего рода "проверкой на прочность" духа личности. Пик конфликта является испытанием на прочность ее духа: либо ее дух преодолевает конфликт и крепнет еще

^I Утрата личностью смысла жизни создает состояние "экзистенциальной фрустрации" (В.Франкл), ведущее к неврозам и различным социальным патологиям.

либо он "чахнет" и теряет себя, т.е. гибнет в борьбе. Но гибнет быть гибель духа личности и вне борьбы. Если личность "уходит" от борьбы, от разрешения конфликта, то дух ее постепенно теряет свою активность, свою силу, ибо жизнь вне борьбы немаловажна для духа личности, такая жизнь является лишь дремотным существованием.

Именно в экстремальных ситуациях дух позволяет личности сохранить себя. При этом экстремальные ситуации могут быть не только очень плохими (физическое и духовное угнетение, репрессии, голод, война и т.д.), но и очень хорошими (испытание ^{слабой} силой, сытостью и властью, материальным благосостоянием). Но в каждом из этих видов противоречий между "Я" и "не-Я" наличие духа позволяет личности разрешить его в пользу "Я", сохраняя свое лицо, свою иерархию ценностей, свою благую ценностную интенцию. Таким образом, наличие у индивида духа не только "делает" его личностью, но и позволяет сохранить свою личностность во всех многообразных жизненных ситуациях и коллизиях.

Следовательно, личность обладает духом до тех пор, пока живет в ней стремление к самореализации, самоутверждению своего "Я", своих ценностных интенций, как истинного проявления человеческой деятельной природы. "Это понятие (= человек), - писал В.И. Ленин, конспектируя "Науку логики" Гегеля, - есть стремление реализовать себя, дать себе через себя самого объективность в объективном мире и осуществить (выполнить) себя"¹.

Стремление это существует тогда, когда личность поднимается до осознания и осмысления высших ценностей, создает иерархию ценностей, сведение же всех ценностей к рядоположенным ведет либо к мятущемуся, либо к аморфному, бессмысленному ее существованию.

¹ Ленин В.И. Философские тетради// Полн.собр.соч.-Т.29.- С.194.

не выходящему из границ своей определенности. Напротив, познание высших ценностей бытия личности как идеала, смысла, к которому она стремится, формируя свое идеальное "Я", делает ее дух способным к самотрансценденции, к выходу за границы, предельной данной сущностной определенности, реального "Я".

Это стремление ведет к постоянной потребности духа личности в самосовершенствовании через сравнение себя с высшим идеалом, неудовлетворенности собой, определении ситуативного идеала^I, стремление к которому и реализация которого выводит дух личности в новое качественное состояние, последующее сравнение с высшим идеалом порождает неудовлетворенность нового качества и рождает новый ситуативный идеал, к которому вновь стремится дух личности и т.д., иными словами, "Я" личности, включающее в себя противоречие между "Я-реальным" и "Я-идеальным", постепенно стремится преодолеть его, достичь "Я-идеального". При этом важно отметить, что постоянное стремление к "Я-идеальному" и постоянная неудовлетворенность ведут не к уничтожению "Я" личности и ее духа, а к их развитию и совершенствованию. Прекращение этого стремления, признание личностью совпадения "Я-реального" и "Я-идеального" ведет к распаду личности и ее духа.

В зависимости от наличия потребности духа личности в таком стремлении и способности к нему изменяется интенсивность стремления, что, в свою очередь, оказывает влияние на течение жизни личности, которое то ускоряется, то замедляется, то как бы останавливается.

Индивид, обладающий "стадным" сознанием и "стадными" потреб-

^I Высший идеал является для личности целью всей деятельности ее духа, а ситуативный — средством для достижения высшего.

ностями отражает течение времени, преломляя его через "Мы", ибо его "Я" слито с "Мы", потребности его опосредованы потребностями "Мы" и, соответственно, ход его индивидуального времени — это ход времени "Мы", а не "Я". Часто это время одномерно, при этом делается акцент на каком-либо одном измерении времени: индивид живет либо прошлым, либо настоящим, либо будущим^I.

Личность, обладающая духом, своим "Я", преломляя объективный мир в субъективном мировосприятии, творит свой "жизненный мир", который представляет собой "сплетение времен", сложную корреляцию прошлого, настоящего и будущего, "сплетение интенциональностей" (Марло-Понти) и является неповторимым у каждой личности. Причем, чем более развито "Я" личности, ее дух, тем богаче и уникальнее ее "жизненный мир". В любой кратчайший миг эта личность может пережить какую угодно длительность (например, быстрота, иногда мгновенность богатейших по содержанию снов), может пережить и вечность (вспомним знаменитое описание мига, предшествующее эпилептическому припадку у Ф.М.Достоевского).

Длительность субъективного времени определяется не количественно, а качественно, не количеством, а содержанием и смыслом событий, явлений, процессов, насыщающих каждый момент жизни личности. Это содержание может быть таковым, что вся жизнь будет как день, а может и час не вмещаться в границы всей жизни и уходить в бесконечность, этот час становится уже достоянием бесконечности, достоянием не личности, а истории. Чем ярче, са-мобытнее личность, ее "Я", ее дух, чем больше в ней развит ее "жизненный мир", тем глубже ее проникновение в объективное бы-

^I Имеется в виду не онтогенез, где ребенок живет преимущественно будущим, взрослый — настоящим, старик — прошлым, а сформировавшийся индивид.

ние, тем более ее объективное, индивидуальное значение, ценность этой личности, ее принадлежность истории и бесконечности. Диалектика конечности и бесконечности в жизни духа личности есть диалектика его смерти и бессмертия.

Смерть является не только проявлением конца жизни, но и вносит смысл в жизнь. Безразличие к смерти есть безразличие к жизни, судьбе своего "Я", своего бытия, своего духа. Осознание смертности придает ценность жизни, каждому ее моменту. Однако эта ценность может осмысливаться по-разному. Для одних, это понимание своей граничности ведет к смирению с этим неоспоримым фактом, к восприятию времени, жизни и каждого ее момента как извне данных и вовне уходящих независимо от "Я", к пассивному и безликому существованию. В результате эти "незаметные" люди бесследно исчезают вместе со смертью. Для других понимание своей граничности связано со стремлением к максимальной насыщенности содержания отведенной им жизни путем потребительского отношения к миру, самоутверждения путем "Я-для-Я". Будучи противопоставленными ино-бытию, неукорененными в нем, такие индивиды остаются в своих границах и жизнь их, бытие их кончается вместе со смертью. Но существуют и такие индивиды, которые, осознавая границу своей жизни - смерть, не смиряются с ней, стремятся выйти из этой границы, обрести бессмертие путем максимального укоренения в ино-бытии, причем не как безликий деятель, субъект, а как личность, как уникальное, единственное "Я", оставляя свой след, свое лицо, свой дух во всех деяниях, утверждаясь путем "Я-для-не-Я".

Бессмертия достигает дух такой личности, чья деятельность составляет след в памяти людей, общества, человечества, чья деяте-

ность, что "Я" остается значимым для других не только в течение жизни личности, но и после смерти ее. Трагический парадокс заключается в том, что бессмертие и вечная жизнь духа личности, это вечное бытие достижимо лишь через смерть личности. Смерть является не только биологическим и психологическим фактом, но и проявлением духа личности. Жизнь личности есть постоянная борьба не только и не столько со смертью, сколько за бессмертие ее духа. Прекращение этой борьбы ведет к смерти духа. Жизнь духа личности наполнена стремлением к бессмертию, которое возможно только при условии его активной творческой общественно значимой, ценной (благой) деятельности. Поэтому дух личности, ее "Я" постоянно стремится к творческой деятельности, являющейся ценной для всех сфер "не-Я", т.е. на благо других личностей, коллективов, группы, общества, человечества, природы, культуры.

Что же представляет собой творчество? Какова его природа? Ответы на эти вопросы даются разными философами по-разному. Одни (Н.А.Антипин, В.Н.Борисов, В.И.Белозерцев, Н.И.Гвоздева, Г.Л.Ермаш, П.Ф.Кравчук, Э.С.Маркарян, А.Т.Шумилин и др.) считают, что творчество — это создание принципиально нового, неизвестного доныне, не имеющего аналога в действительности. Безусловно, создание принципиально нового является проявлением творчества, но не исчерпывает его. Другие (Г.Я.Василеску, Н.А.Венгеренко, В.Е.Давидович, Н.И.Киященко, Л.Н.Коган, Я.Я.Пономарев и др.) считают творчеством не только создание принципиально нового, но и новую интерпретацию старого, а также субъективно новое. "Творчество, — пишет Н.И.Киященко, — процесс создания нового, неизвестного, а также деятельность, направленная на совершенствование, углубление, расширение, новую интерпретацию уже извест-

ного, освоенного, изобретенного"¹. Здесь происходит расширение границ творческой деятельности, но и этим творчество далеко не исчерпывается, ибо сведение его лишь к созданию материальных и духовных ценностей ведет к одностороннему взгляду на творчество. Тем не менее, к сожалению, в философской литературе преобладает именно такой подход к творчеству. Так, Л.Н.Коган называет творчеством нестандартизированную физическую или умственную деятельность человека, "в процессе которой опредмечиваются его социальные силы и создаются лично и общественно значимые материальные и духовные ценности"². В таком подходе к творчеству абсолютизируется субъект-объектное отношение, человеческое творчество, по существу, сводится к процессу опредмечивания, тем самым человек отчуждает свои сущностные силы, теряет свое "Я" в созданных им ценностях, обесценивая и овеществляя себя.

Представляется, что творчество является не одно-, а двунаправленной деятельностью: на объект творения и на субъект творения (творца), ибо в процессе творческой деятельности, направленной на создание какого-либо объекта происходит и изменение самого субъекта, т.е. субъект творчества в процессе творческой деятельности творит не только объект, но и самого себя³. Этот субъект после своего творческого процесса становится уже новым, иным субъектом, выходит из границ своего прежнего "Я", своего прежнего бытия. В своей дальнейшей творческой деятельности, на-

¹ Киященко Н.И. Эстетическое воспитание и научно-технический прогресс.- М., 1981.- С.51.

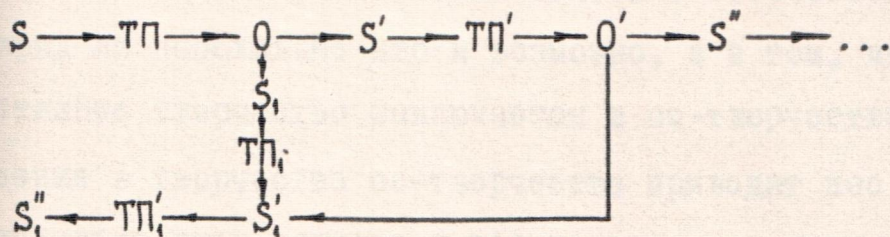
² Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека.- М., 1984.- С.188.

³ На этот факт обращают внимание также ряд советских философов (С.С.Батенин, П.С.Дышлевый, С.С.Гольдентрихт, Л.А.Пянова, Л.В.Еценко и др.).

правленной даже на создание объекта, аналогичного уже созданному, создается иной объект, ибо его создает уже иной субъект, творческий процесс которого носит иной характер и в ходе этого процесса этот иной субъект вновь выходит из своих границ, из границ своего бытия и становится иным и т.д. Этот процесс можно выразить следующей схемой:

$S \longrightarrow \text{ТП} \longrightarrow O \longrightarrow S' \longrightarrow \text{ТП}' \longrightarrow O' \longrightarrow S'' \longrightarrow \dots$

Такое рассмотрение творческого процесса снимает абсолютизацию субъект-объектного отношения, но не снимает вещественного характера творчества. В то время как, по нашему мнению, творчество, будучи имманентно человеку, должно носить человеческий, а не вещественный характер, т.е. его интенциональность не вещественная, а человеческая, направлено оно не на предметы (и через них посредством на себя), а на другого человека, другого субъекта, который, в свою очередь, не только пользуется объектом, не только распредмечивает его, но и творит его и тем самым — себя, т.е. процесс распредмечивания носит творческий характер и является процессом расчеловечивания субъекта творца и очеловечивания себя. В результате как субъект творец, так и субъект со-творец выходят из прежних границ своего бытия, становятся оба иными субъектами и дальнейшее их взаимодействие носит уже иной характер и т.д. В этом случае наша схема приобретает новый вид:

Но в других обстоятельствах их роли могут меняться, т.е. субъект-творец становится субъектом-получателем и наоборот, что

тельности в сфере "Ты", "Мы", "Оно" (человечество), т.е. со-
здании человеческих, общественных отношений, взаимосвязей лю-
дей), а как отношения субъективностей, связанных с объектом ре-
ализацией своей сущности, своего "Я", как процесса созидания
личностью личности. Ибо как процесс опредмечивания-распредмечи-
вания, так и процесс очеловечивания-расчеловечивания носит су-
быто индивидуальный, уникальный характер для каждой личности,
каждой творческий акт всегда имеет свое лицо, творчество всегда
лично и его интенциональность зависит от ценностной интен-
ции сознания личности, от ее творческого отношения к миру и се-
бе. Именно такой характер творчества свойствен духу личности.

Творческий характер духа личности выражается не только в
творческой деятельности, но и в творческом отношении^I, специфи-
ка которого заключается в максимальной открытости и динамичнос-
ти личности по отношению к миру, отходе от всяких стереотипов и
шаблонов, отсутствии инерции в мышлении, неистощимом стремлении к
преобразованию мира и самого себя и в то же время аксиологичес-
кой жесткости, т.е. верности своей ценностной интенции, что по-
зволяет личности противостоять внешне детерминированному давле-
нию и сохранить свое "Я". Творческое отношение всегда лично, оно
всегда отношение "Я" к "не-Я", мое мироотношение, мировосп-
риятие, моя мирооценка предполагающие мое мировхождение, про-
цесс соотношения моего бытия с инобытием и со-бытие их. Творче-
ское отношение хотя всегда и предшествует творческой деятельно-
сти, но не обязательно переходит в нее, оно касается не отдель-

^I На необходимость учета творческого (креативного) отношения в
анализе творчества указывает также Г.С.Батищев (См.: Батищев
Г.С. Диалектический характер творческого отношения человека к
миру: Дис. в форме науч. докл. ...д-ра филос.наук.- М., 1989).

ных сфер деятельности, а пронизывает все бытие личности, превращает ее жизнь в жизнетворчество^I.

Следует отметить, что творчество, будучи имманентно каждому человеку в возможности, может и не перейти в действительность, в творческое отношение и деятельность индивида. Этот переход зависит как от способностей индивида (субъективных факторов), так и от характера взаимосвязи индивида с другими индивидами и обществом в процессе его онтогенеза и дальнейшего существования (объективных факторов). Это накладывает отпечаток и на характер творчества, который обусловлен в своей основе не отношением субъекта к объекту, творца к предмету творчества, а отношением субъективности к другой объективности, "Я" к "Ты". В свою очередь, это отношение опосредовано отношением "Я" к "Мы" (обществу), способом бытия личности. Эти отношения наиболее ярко проявляются в рассматриваемых выше нами формах: растворении "Я" в "Мы", утверждении "Я" вопреки "Мы" (закрытый и открытый индивидуализм) и утверждении "Я" во взаимодействии с "Ты", "Мы", ценностной интенции на "Ты", характерном для духа личности.

Растворение "Я" в "Мы" есть отречение от самодетерминации, свободы. Бытие такого индивида становится бес-субъектным бытием. Он превращается в "модус", "акциденцию", "винтик" социальных институтов, общества, государства, авторитарного порядка, коллектива, игрушкой в руках надличностного субъекта, "слуг субстанциалистского господства" (Г.Батищев). Деятельность тако-

^I Анализ творчества как жизнетворчества предпринят в работах Л.В.Сохань (См.: Жизнь как творчество: Социально-психологический анализ /Под ред. Сохань Л.В., Тихонович В.А. - К., 1985; Жизненный путь личности / Под ред. Л.В.Сохань. - К., 1987).

го индивида носит нормативный характер, это деятельность "акцидентии", зависящая от требований "субстанции", т.е., по существу, происходит декреатизация его. Субстанциалистское (исключительно внешне детерминированное) бытие индивида есть антикреативное его существование.

Антиподом такому бытию является антисубстанциалистское, исключительно самодетерминированное бытие. Здесь "Я" утверждает себя посредством ухода и противопоставления себя "Ты", "Мы", "Оно". Если первому типу бытия чуждо творческое начало, то здесь оно возводится в абсолют. "Человек - творец самого себя", - провозглашает Пико делла Мирандола. Сторонники этого типа бытия, будучи индивидуалистами, разделяются на два сильно отличающиеся между собой типа: закрытый и открытый индивидуализм.

Творчество закрытого индивидуалиста обращено вовнутрь. При этом оно теряет свою укорененность в бытии, дезонтологизируется, превращается в "чистый акт", в собственность индивида, узурпируется им. Это безотносительное, безразличное к внешнему миру, бесплодное творчество. Творчество открытого индивидуалиста диалогично, оно есть творчество-искание, творчество-надежда на обретение своего адресата, хотя и не реального, но возможного, это творчество возможного диалога-встречи^I, но это все же свое-верное, своецентристское, не приобщенное к другому творчество и творческое отношение.

Снятием абсолютизации рассмотренных выше форм творчества является не слияние и не противопоставление "Я" "Мы", а их взаимосвязь, сохраняющая и утверждающая "Я" в "Мы". Это утверждение

^I О характере диалога-встречи, диалогического общения см.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества.- М., 1979; Buber M. Ich und Du.- Heidelberg, 1977.

основано не на своецентризме, абсолютизации самодетерминации, своеценности, своетворчества, а на признании личностью двояко-детерминированности ее "Я", переходе от своедоминантности к друго-доминантности, осознании ценности другого, творческого "Я" другого, принятии его в себя. Такой тип творческого утверждения "Я" характерен для личности, обладающей духом. Такой личности свойственна открытость миру и, как следствие этого, креативное отношение, пронизывающее все ее бытие. Креативное отношение духа личности выражается в постоянном стремлении его к творческой деятельности и самодеятельности, творчество становится для него потребностью, ценностью, ценностной интенцией. Признание другого ценностью, видение в "Ты" инобытия "Я", друго-доминантность ведет к стремлению духа личности к такой творческой деятельности, которая будет благой для другого, это всегда деятельность на благо другого. Это соотнесение деятельности духа личности с благом других людей составляет суть нравственного отношения личности к миру^I.

Друго-доминантность духа личности, творческая деятельность "Я-для-Ты" не исключает стремления личности к творческой деятельности на благо других сфер "не-Я", а обретает еще более интенсивный характер, будучи как бы удвоенным стремлением от "Я" и от "Ты", ставшим инобытием "Я". При этом творческая деятельность духа личности, ее "Я" на благо различных сфер "не-Я" будет тем плодотворнее, чем выше потенциал, возможности, способности "Я". Поэтому стремление максимально реализовать себя на благо сфер "не-Я" ведет к постоянному стремлению духа личности

^I См.: Жизнь как творчество /Под ред. Л.В.Сохань, В.А.Тихоно-вич. - К., 1985. - С.176.

и самотворчеству, самосозиданию, самосовершенствованию на благо "Я".

Таким образом, характер творчества, степень реализации своего "Я", духа личности зависит от выбора способа самоутверждения "Я". Личность всегда с а м а выбирает свой способ жизнедеятельности, ее деятельность самодетерминирована, свободна, дух ее имеет творческую интенцию. Это не значит, что снимается полностью вопрос о внешней детерминации, она присутствует, но личность с а м а выбирает свою внешнюю детерминацию. Индивид же, детерминированный исключительно извне, превращается, по сути, в раба внешней необходимости, он лишается возможности и способности самостоятельного выбора, а, следовательно, свободы. Тем самым индивид теряет и способность к творческой деятельности и жизнедеятельности, ибо творчество невозможно вне свободы. Но любая ли свобода способствует развитию творчества? Здесь встает вопрос о характере самой свободы. Какая свобода является условием существования духа личности, способствует развитию его творческой интенции? Что мы понимаем под свободой?

В марксистской литературе, как правило, свобода, согласно философской традиции, восходящей к Спинозе и Гегелю и развиваемой К.Марксом и Ф.Энгельсом, связывается прежде всего с необходимостью и господством^I. Обосновывается это тем, что лишь познав и осознав необходимость, человек перестает быть рабом случайности. В своих рассуждениях большинство философов исходит из мысли

^I См.: Давыдов Ю.Н. Труд и свобода.- М., 1962; Давидович В.Е. Проблемы человеческой свободы.- Львов, 1967; Мысливченко А.Г. Человек как предмет философского познания.- М., 1972; Спиркин А.Г. Сознание и самосознание.- М., 1972; Квасов Г.Г. Диалектика развития личности в социалистическом обществе.- М., 1985 и др.

Энгельса о свободе как "основанном на познании необходимостей природы господства над нами самими и над внешней природой"¹, не уделяя должного внимания анализу продолжения Энгельсом этой мысли: "она (свобода - Н.Ш.) поэтому является необходимым продуктом исторического развития (подчеркнуто нами - Н.Ш.)"². Т.е. свобода рассматривается Энгельсом не как данное, ставшее, а как продукт становления, а необходимость "существует как тенденция развития"³.

Члены общества на ранних этапах своего развития не свободны ни физически, ибо не в состоянии "в одиночку" противостоять силам природы и жить самостоятельно, ни социальное, ибо их сознание и бытие органически слито с общественной средой (родом, семьей, обществом), растворено и подчинено ей, ни духовно, поскольку их сознание, являясь стадным, "коллективным" сознанием, еще не возвысилось до зрелости духа, индивид еще не стал личностью, имеющей свое "Я", свой дух. Но и на более поздних этапах развития, когда общество и личность обретает свободу, индивид приобретает эту свободу не с рождения, а лишь в процессе онтогенеза. Таким образом, свобода обретается личностью, обществом в процессе онто- и филогенеза. Именно в этом процессе происходит познание и осознание необходимости, выступающей как нечто внешнее, чуждое, но необходимое для существования индивида в обществе и общества как такового. Познание и осознание необходимости является исходным для обретения свободы,

¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг// Маркс К., Энгельс Ф. Соч.- 2-е изд. - Т.20.- С.116.

² Там же.

³ Берзин О.Г. В.И.Ленин о свободе и необходимости.- Харьков, 1978.- С.58.

ее фундаментом. "Необходимость, — отмечает О.Г.Берзин, — создает предпосылки свободы как господства над случайностью в различных его аспектах"¹. Но истинная свобода начинается, на наш взгляд, лишь тогда, когда сознание индивида обретает способность не только п р и з н а в а т ь необходимость, но и у п р а в л я т ь ею, творить действительность и самого себя². И, начиная с этого момента, уже не необходимость господствует над индивидом, а индивид господствует над необходимостью и обладает способностью преодолеть "объективную необходимость". "Материалистическое учение о том, что люди — продукт обстоятельств и воспитания, — писал по этому поводу К.Маркс в "Тезисах о Фейербахе", — что, следовательно, изменившиеся люди — продукты иных обстоятельств и измененного воспитания — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми"³.

Необходимость можно рассматривать лишь как предпосылку свободы. Ибо даже признание разумной (гносеологической) свободы, т.е. познание и осознание внешней необходимости, превращение ее во внутреннюю и деятельность в соответствии с нею, не освобождает человека от власти над ним чуждой ему силы (коль она даже внутри человека рассматривается им как необходимость, а не как потребность), он остается во власти необходимости. Более того, эта внутренняя необходимость, руководя всеми его помыслами, превращает его в "духовный автомат" (Н.Бердяев).

¹ Берзин О.Г. В.И.Ленин о свободе и необходимости. — Харьков, 1978. — С.50.

² Чрезвычайную важность роли творчества в свободе отмечает О.Г.Берзин (См.: Берзин О.Г. Указ. соч. — С.20).

³ Маркс К. Тезисы о Фейербахе //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т.3. — С.2.

Категории господства и необходимости связаны, на наш взгляд, не со свободой, а принуждением человека, превращением его (на-
ильно или добровольно) в объект воздействия, лишая его субъек-
тивного начала. Абсолютизация этих категорий как неотъемлемых
сущностных элементов свободы приводит к превращению истинной
свободы в рабскую, а человека - в раба (иногда раба самого се-
бя), а иногда, что еще хуже, в холопскую свободу, а человека -
в холопа, у которого "слюнки текут" (В.И.Ленин) от своей рабс-
кой жизни, который не только признает "волю свыше" как свою не-
обходимость, но и ликует, наслаждается этой "свободой" и благо-
верит всевышнего (будь то Бог, Царь, Император, хозяин, вождь
или надличностный субъект - государство, партия и т.д.) за эту
свободу. Кроме того, видение в свободе лишь необходимости и го-
сподства лишает личность творческого начала, которое возможно
лишь в творческом выборе, ибо процесс выбора - это творческий
процесс, вне которого невозможна самореализация личности.

Думается, что свобода - это способность, потребность и воз-
можность делать выбор^I. Такой подход переводит рассмотрение ин-
дивида из плоскости внешней детерминации в плоскость самодетер-
минации. Самореализация и творческая деятельность становятся не
необходимостью, а внутренней потребностью личности, источником
ее развития. Но личность, обладающая духом, не удовлетворяется
просто возможностью выбора, свободой для нее является лишь та-

^I Эта точка зрения глубоко разработана в экзистенциализме. Об-
ращают на нее внимание и советские философы (См.: Давидович
В.Е. Проблемы человеческой свободы.- Львов, 1967; Плахотный
А.Ф. Свобода и ответственность.-Харьков, 1972; Берзин О.Г.
В.И.Ленин о свободе и необходимости.-Харьков, 1978; Грушин Б.А.
Возможность и перспективы свободы // Вопросы философии.- 1988.
- № 5).

ной выбор, который максимально способствует самореализации духа личности, ее "Я"^I, творческой интенции духа.

Следует отметить, что большинство советских философов (В.Е. Завидович, А.Г.Мысливченко, Л.В.Скворцов) не отрицают важность выбора в реализации свободы, но при этом они не свободу связывают с выбором, а выбор со свободой, которая, будучи осознанной и познанной необходимостью, лишь осуществляется посредством этого выбора, "свободы выбора". Таким образом, выбор осуществляется не для самореализации личности, ее духа, ее "Я", являясь проявлением ее свободы, а для реализации познанной и осознанной личностью необходимости, превращая ее в "придаток" этой необходимости, ее раба. Более того, необходимость и выбор противопоставляются разделением свободы на внешнюю и внутреннюю, отдавая "Богу богово, а Кесарю кесарево": внешней свободе — необходимость, а внутренней — выбор.

Представляется, что проблема внутренней и внешней свободы — это, скорее, проблема свободы личности и несвободы общества, результат противоречия между стремлением, имманентно присущим каждому человеку, к свободе, к самостоятельному осуществлению выбора для реализации своего "Я" и невозможностью этого осуществления в обществе. Отсутствие этого стремления, "внутренней свободы" есть, как правило, результат подавления ее обществом как в процессе онтогенеза индивида, так и в процессе дальнейшего его существования. В свою очередь, свобода личности, будучи "запнана" несвободным обществом вовнутрь, становится "внутренней

^I На важную роль самореализации, самоосуществления, реализации своего "Я" в понимании свободы обращают внимание С.С.Батенин, Б.А.Грушин (См.: Батенин С.С. Человек в его истории.— Л., 1976; Б.А.Грушин. Указ. соч.).

свободой", являясь, по существу, деформированной свободой. Личность тем самым лишается возможности для реализации ее способности, потребности, стремления к выбору для адекватного самораскрытия, осуществления своего "Я", интенций своего духа. Какой же способ выбора является наиболее адекватным для самораскрытия творческого потенциала духа личности, ее "Я" ? Для ответа на этот вопрос обратимся вновь к тем типам самоутверждения, которые уже анализировались нами выше.

Человеку субстанциально присущи творческая энергия и свобода, но, будучи возможностью, они могут стать и не стать действительностью. В значительной степени это обусловлено теми внешними условиями, в которых развивается индивид, теми социальными нормами, ценностями, в которых протекает его жизнедеятельность.

Господство субстанциализма, редукционизма, сводящего все высшее к низшему, препятствует возникновению свободного, творческого духа личности, развитию самой личности, ее самобытности, ее уникального "Я". Это приводит к появлению "стадных" индивидов, обладающих рабской свободой, т.е. основанной исключительно на необходимости, которая заковывает как в цепи не только тело индивида, но и дух его, не только поступки, практическую деятельность, но и мысли, мечты, идеалы детерминированы извне. Такой индивид лишается не только внешней, но и внутренней свободы ^I.

Противоречие между "Я-уникальным" и "Я-нормативным" разрешается

^I Разделение нами свободы на внешнюю и внутреннюю условно, ибо, как отмечалось выше, свобода либо есть, либо ее нет. Внутренняя свобода есть свобода, "загнанная" вовнутрь, внешняя свобода есть свобода, реализованная вовне. Но следует подчеркнуть, что если свободы нет, то нечему "загоняться" вовнутрь и нечему реализовываться вовне.

в пользу последнего. Это ведет к тому, что развитие и самосовершенствование такого индивида как разрешение противоречия между "Я-реальным" и "Я-идеальным" сводится к стремлению к "Я-идеальному", заданному извне, т.е. "Я-идеальное" превращается в "Мы-идеальное". Самое страшное в этом превращении уникальности, "Я" в акциденцию субстанции, безликое "Мы" - это непонимание, отсутствие осознания этого самим индивидом, отсутствие потребности и стремления к творчеству и свободе, отсутствие противоречия между свободой личности (внутренней свободой) и несвободой общества, внешней несвободой, ибо внутренней свободы тоже нет.

Крайней формой этой трагедии индивида является его глубокое удовлетворение таким способом существования, бытием его "Я" в "Мы", т.е. индивид живет не "Я-бытием", а "Мы-бытием". Свобода и творчество, субстанционально заложенные в этих индивидах, заживо хоронятся, в результате, сознание их так никогда и не становится духом, более того, они даже не осознают горечи утраты свободы, творчества, духа, их ценности, тем самым теряя свое собственное достоинство, переставая осознавать свою самоценность.

Лишенные свободы, эти индивиды не имеют и ответственности, которая "есть показатель свободы личности"^I, их деятельность есть безответственная деятельность индивидов, лишенных своего "Я", осознания своей самоценности, своей значимости. Обращая особое внимание на это явление, А.Ф.Плахотный пишет: "Ответственность вытекает из осознания индивидом своей свободы и своей значительности (ценности - Н.Ш.) как человека (подчеркнуто на-

^I Плахотный А.Ф. Проблема социальной ответственности.- Харьков, 1981.- С.128.

ни - Н.Ш.)"¹.

Однако такой результат господства субстанциализма и редукционизма не является необходимым для каждого индивида, скорее, это результат неспособности или отсутствия потребности выбрать себя самому, освободиться от внешней детерминации, реализовать заложенную в нем потребность в свободе и творчестве. Более того, нежелание или неспособность осуществить самостоятельный выбор не есть отсутствие выбора, ибо уход от выбора - это тоже выбор, выбор способа существования своего "Я", за который личность также несет ответственность, ибо "человек ответственен, - как отмечает А.Ф.Плахотный, - не только за действие, но и за бездействие"². И в самых жестоких деспотиях и тираниях существовали всегда индивиды, выбирающие себя сами, никакой тоталитаризм не может раздавить "Я" такого индивида, который становится благодаря этому выбору личностью, обретает дух.

Дух такой личности, ее "Я" никогда не растворяется в "Мы", не идет на поводу внешней ценностной иерархии, а соблюдает всегда свою ценностную интенцию. Однако свободный творческий дух личности, которая вынуждена существовать в антикреативном и несвободном обществе страдает, его раздирают противоречия между потребностью внутренней свободы вырваться наружу и невозможностью этого из-за отсутствия внешней свободы³. Пытаясь разрешить это противоречие, личность ищет пути, способствующие реализации своего "Я", осуществляя самостоятельный выбор этих

¹ Плахотный А.Ф. Свобода и ответственность.-Харьков, 1972.- С.17-18.

² Там же.- С.115.

³ Об обреченности свободной личности на страдание в несвободном обществе см.: Sartre J.-P. L'Être et le Néant.- Paris, 1960.

путей.

Одним из путей реализации своего "Я" является "вопрекизм" (Г.Батищев), т.е. личность, чтобы сохранить свою внутреннюю свободу от посягательств внешней несвободы, свое "Я" от экспансии нормативизма и утилитаризма, уходит от общества и людей, самоизолируется, "закрывается", одевает свое "Я" в прочный непроницаемый панцырь, скорлупу. В свободе, как и в творчестве такой закрытый индивидуалист видит высшую ценность, но это ценность - собственность, узурпированная им. Свобода такого индивидуалиста есть свобода отъединения, отчуждения от мира, что, в свою очередь, ведет не к свободе, а к рабству у мира, ибо все чуждое и далекое есть принудительная необходимость. Для индивидуалиста мир есть всегда насилие над ним. Он одинок среди людей.

Если "стадный" индивид, лишенный свободы, лишен и ответственности, то закрытый индивидуалист обладает таковой, но его ответственность, выражая "внутреннюю потребность человека в самоутверждении"^I, абсолютизируется им, превращается в самоответственность, для-себя-ответственность, ибо его свобода - это лишь свобода-в-себе, свобода-для-себя. Поэтому, если для первого индивида характерен авторитаризм, утилитаризм, то для второго - анархизм, антиномизм. Такой индивид весь-в-себе, он безразличен к внешнему миру и людям, нигилистически настроен, соответственно, и творчество его нигилистично, о чем говорилось выше.

Другим путем сохранения своей внутренней свободы является открытый индивидуализм, который, как правило, становится результатом ответа как на господство субстанциализма, так и на отсутствие возможности к адекватному самораскрытию, непонятости, не-

^I Плахотный А.Ф. Проблема социальной ответственности.-Харьков, 1981.- С.132.

признанности "Я". Свобода и ответственность такого индивида, также как и творчество, есть свобода-поиск, ответственность-возможность, т.е., будучи всегда готовым к свободному самоосуществлению вовне, он никогда его не осуществляет, и, соответственно, его ответственность "как стремление к самоосуществлению, реализации себя в объективном мире"^I, не реализуется.

Если закрытый индивидуалист удовлетворен выбором способа своего существования, то открытый индивидуалист испытывает постоянную неудовлетворенность выбранным им способом существования, ищет иного, готов к иному и в то же время не осуществляет его из-за невидения им возможности для этого. Дух такой личности безмерно страдает, ищет большей свободы, рвется, стремится вырваться из своей самозамкнутости, ищет двери в мир, к людям, но всегда находит ее закрытой. Противоречие между внутренней свободой и внешней несвободой достигает здесь апогея. Отсутствие достаточной силы духа, чтобы выдержать этот конфликт, может привести и к гибели личности.

Однако эта трагедия есть результат не только внешних причин, отсутствия внешней свободы, но и внутренних - способа сохранения своей внутренней свободы, своего "Я", заключающегося в выборе самоизоляции, отрыве от людей и общества, сведения своей свободы к "свободе от". Индивидуализм, разъединение и вражда людей противоречит человеческой сущности, ведут к расчеловечиванию человека.

^I Плахотный А.Ф. Проблема социальной ответственности. - Харьков, 1981. - С.131.

Истинной свободой является не отрицательная свобода, "свобода от", а положительная свобода, "свобода для"¹, свобода для людей, для их счастья, для творчества "Я" во всех сферах "не-Я", для безграничного совершенствования всего рода человеческого, всех условий его бытия. Истинная свобода — это творение и творчество личности, цель которого соединение, взаимосвязь индивидов как полноправных субъектов, как личностей.

Поэтому высшим проявлением свободы, высшим проявлением человеческой взаимосвязи является любовь. Любовь к конкретному индивиду, людям, человечеству становится внутренней побудительной силой, превращающей творческую благую деятельность, к которой стремится дух личности, в жизненно необходимую потребность². Необходимость в любви уходит в подсознание, она как бы невидимо руководит личностью, на первое место выступает внутренняя потребность, жажда творческого, созидательного и потому истинно свободного самоосуществления во имя "Ты", людей, человечества. Это и есть высшее проявление творческой интенции духа личности, основанное на любви к личности и человечеству, это и есть истинная свобода ее духа.

И если творчество подлинно реализуется лишь в со-творчестве,

¹ Аналогичную точку зрения высказывают О.Г.Берзин, В.Е.Давидович, Ю.Н.Давыдов, А.Ф.Плахотный (См.: Давыдов Ю.Н. Труд и свобода.—М., 1962; Давидович В.Е. Проблемы человеческой свободы.— Львов, 1967; Плахотный А.Ф. Свобода и ответственность.—Харьков, 1972; Берзин О.Г. В.И.Ленин о свободе и необходимости.—Харьков, 1978).

² Однако, как отмечалось ранее, высшей ценностью в этой иерархии любви является любовь к конкретному человеку, личности.

то свобода — лишь в со-свободе. "Ибо ввиду того, что эта последняя (истинная свобода — Н.Ш.) состоит в тождестве меня с другими, — писал Гегель, — я только тогда истинно свободен, если другой также свободен и мной признается свободным"¹. Истинно свободен лишь тот, кто признает свободу другого, ценность другого, ибо признание другого ценностью равной "Я", видение в "Ты" инобытия "Я" есть признание того, что "Ты" имеет право обладать теми же ценностями, что и "Я", а значит и свободой как высшей ценностью "Я" личности².

В свою очередь, признание внешних ценностей своими, принятие внешнего вовнутрь, "не-Я" в "Я" ведет не только к росту стремления к благой творческой деятельности и свободе для ее осуществления, но и росту ответственности, которая вырастает до ответственности не только за конкретных личностей, людей, человечество, но и за всю биосферу в целом, приобретая планетарный характер, что характерно для современного этапа развития человечества, когда большинство исконно человеческих проблем приобретают глобальный, планетарный характер. Ведущей из этих проблем является, на наш взгляд, проблема сохранения личности, ее "Я", ее духа и духовности, ибо только дух личности, вобрав в себя, свое "Я" все сферы "не-Я", ценит их как свою ценность, несет ответственность за них, а, следовательно, стремится к деятельности на их благо, к их созиданию, а не разрушению и деградации.

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3 т. — Т.3. Философия духа. — М., 1977. — С.241.

² Говоря о свободе как высшей ценности "Я" личности, мы не отрицаем того, что "Ты" является высшей ценностью "Я". Здесь речь идет о разных видах ценностей: ценностях — целях и ценностях — средствах.

Принятие внешних ценностей вовнутрь, признание их своими, творческая деятельность на их благо помогает личности даже в условиях безраздельного господства субстанциализма (деспотиях, тираниях, тоталитарном обществе и т.д.) выйти из того безысходного тупика, из которого не может выйти индивидуалист. Ибо, во-первых, если "Ты" для "Я" есть его инобытие, ценность, то оно (инобытие "Я") не препятствует, а напротив, способствует развитию свободы "Я", со-свободы и со-творчества. Препятствовать свободе личности могут либо надличностный субъект (государство, коллектив, партия и т.д.), либо "Он" (чуждый, враждебный "Я" индивид), которые для "Я" в этом случае могут не являться ценностями и, следовательно, их запреты не играют решающей роли для "Я"^I. Во-вторых, если "Я" не находит "Ты" (как в случае отрицательного индивидуализма), то всегда в нем существует "Оно", ценность человеческого рода, свободная творческая деятельность на благо которого всегда приводит к росту ценности "Я", а, следовательно, еще большему стремлению к ней, поиску путей для ее успешного осуществления. При этом противоречие между внутренней свободой и отсутствием внешней свободы переходит в иную плоскость: личность ориентируется не на "готовое получение" внешней свободы, а на поиск ее, т.е. стремление реализовать свою внутреннюю свободу побуждает ее искать адресат своего стремления, способы, являющиеся наиболее адекватными для самореализации ее "Я", не ограничиваясь единственным выбором своего существования,

^I Отрицание ценности для "Я" личности некоторых индивидов ("Он") не означает отрицание провозглашаемой ранее любви к людям, ибо любовь ко всем - "стеклянная любовь" (милосердие), подлинная любовь всегда личностна, к конкретной личности, а не любовью, т.е. не всякий "Он" становится для "Я" его инобытием - "Ты".

бесконечно ищет и бесконечно осуществляет выборы, но при этом всегда, во всех ситуациях сохраняет свою ценностную интенцию, свое "Я", дух личности^I.

В то же время, даже при условии нахождения "открытой двери", т.е. условий для свободной творческой самореализации духа личности противоречие между внутренней свободой и отсутствием достаточной внешней свободы не снимается. Ограничение внешней свободы личности есть всегда ограничение ее внутренней свободы, ее "Я", творческой деятельности ее духа.

Личность испытывает неудовлетворенность от того, что даже не реализует свое "Я-реальное", не говоря уже о ее приближении к "Я-идеальному". Дух ее страдает, ее деятельность вопреки официально принятым ценностям, ее постоянная борьба за свое "Я", за свой дух, за адекватную самореализацию натывается в большинстве случаев на барьер неприятия, запрета, а, иногда, и открытого террора.

Все это душит креативное отношение духа личности к миру. Дух личности задыхается и в поисках "воздуха" возможен уход этой личности из данного общества в поисках такого, которое даст внешнюю свободу личности, оценит ее "Я", которое будет не препятствовать, а способствовать свободной творческой деятельности духа личности. Если же личность, лишенная в данном обществе внешней свободы, продолжает стремиться к ней, к самореализации, сохранению своего "Я" и в то же время не может (не хочет) осуществить выбор в пользу другого общества, которое предоставит ей

^I Сохранение везде и всегда своей ценностной интенции не означает ее статичности. Как отмечалось ранее, ценностная иерархия, интенциональность духа личности могут изменяться, но при этом оставаться ее, личностной интенциональностью, интенцией ее "Я".

эту свободу, т.е. не может (не хочет) покинуть Родину, она, в критических ситуациях, делает свой последний свободный выбор: выбор между жизнью и смертью^I.

Смерть такой личности есть не прекращение ее жизни, а продолжение ее борьбы за жизнь, свободу, возможность самореализации, сохранение своего "Я", ибо жизнь личности и ее духа вне творчества и свободы невозможна.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Появление, развитие и существование духа личности связано с развитием потенций и интенций, заложенных в природе человека. Сведение последней к проявлениям различных форм движения материи (биологической, социальной) превращает материю в "могилу духа" (Г.Батищев), а человека — исключительно в продукт внешней детерминации (природы и общества), игнорируя его самодетерминацию, саморазвитие, субъектность и субъективность, уникальность и неповторимость, которую придает человеку дух его. Преодоление этого редукционизма возможно, на наш взгляд, лишь при рассмотрении природы человека как биосоциодуховной, в которой социальное и духовное не снимают биологическое, а представляют различные новообразования, составляющие многоярусную пирамиду, в основании которой лежит биологическая природа человека, а вершиной является дух его.

2. Всесторонний анализ духа личности предполагает исследование его не как данности, а как становящегося, развивающегося и, прежде всего, исследование его генезиса.

3. Исследование духа личности показало, что:

- Дух личности соотносится с сознанием (но не тождествен

^I Исследуется экзистенциальная пограничная ситуация.